

УДК 82-7

Д. Д. Николаев

Москва, Россия

КИРПИЧ НА ГОЛОВУ: К ИСТОРИИ ОДНОГО МОТИВА

Анализируется использование мотива падающего на голову кирпича в связи с проблемой случайности / предопределенности. Определяется мотивный контекст, в котором зарождалась и воспринималась ставшая крылатой фраза из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Анализируются произведения И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Твена, Г. Ибсена и др. Показывается как использует этот мотив А. Т. Аверченко, у которого он встречается неоднократно, и произведения которого хорошо знал Булгаков.

Ключевые слова: Булгаков, Аверченко, Салтыков-Щедрин, Твен, мотив, комическое, русская литература, «кирпич на голову», проблема случайности / предопределенности.

Вынесенная в заглавие формула «кирпич на голову» взята из самой известной, наверное, в русской литературе фразы, связанной с данным мотивом. В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в диалоге Берлиоза и неизвестного звучат ставшие крылатыми слова Воланда:

– Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

– Кирпич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, – никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью [1, с. 432].

Я уже писал о связи этого мотива у Булгакова с написанным в июне-июле 1921 года и изданным впервые в 1922 году в Берлине в издательстве «Геликон» романом И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников <...>» [2]. Слова Воланда ¹ прямо соотносятся с рассуждением Хулио Хуренито:

¹ Можно вспомнить и сцену визита к Воланду буфетчика: «– Вы когда умрете? Тут уж буфетчик возмутился.
– Это никому не известно и никого не касается, – ответил он.

Николаев Дмитрий Дмитриевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия, ddnikolaev@mail.ru)

«Живет, живет человек, кругом холера, крушения поездов, японцы, а он все живет, потом ест карася в сметане, маленькой косточкой давится – и конец. Кто знает, не свыше ли? Случай? А может быть, этот случай умненький, кончил богословский факультет и сдал экзамен на звание “провидения”?» [3, с. 33]. Но возможная связь с Эренбургом – лишь одно звено из цепочки соответствий, вырастающей в русской и мировой литературе в связи с мотивом «кирпича на голову». Ряд из них уже указывался в исследованиях (см., например: [4; 5]). Разумеется, всестороннее рассмотрение данного мотива в одной небольшой статье невозможно: мы остановимся на ряде произведений, в которых использована формула «кирпич на голову», причем на тех, что формировали мотивный контекст, в котором зарождалась и воспринималась булгаковская фраза.

Далеко не всегда «кирпич на голову» связан с проблемой, которую в наиболее общем виде можно определить как «случайность / предопределенность», разложив далее предопределенность на Провидение, Бога, судьбу, рок, закономерность и т. п. К примеру, в пьесе И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя», написанной в 1849 году, в пятом явлении Мирволин рассуждает о матушке Беспандина и Кауровой, «покойнице Пелагее Арсеньевной»: «Говорят, в молодых летах будучи, кирпич им на голову упал: так, может от этого-с...» [6, с. 262]. У Тургенева эта реплика никак не связана с идеей вмешательства высших сил и звучит в значительной степени как парафраз знаменитой реплики Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина о заседателе в гоголевском «Ревизоре»: «Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает не много водкою» [7, с. 209].

Здесь является значимым сам фактор удара, а не причина, его вызвавшая: формула «кирпича на голову» не отличается от формулы «кирпичом по голове», хотя часто они имеют различную окраску. Первая в качестве мотива имеет обыкновение реализовываться (в развернутом или гипотетическом виде) именно в связи с проблемой случайности и предопределенности и соответствующим конфликтом. Вторая реализуется, как правило, в рамках других конфликтов, связанных в сюжете с убийством или нападением, и не имеет самостоятельного значения. (См., к примеру, в рассказе А. Н. Толстого «Василий Сучков»: «Варвара было рванулась с песка, он схватил ее за ногу, опрокинул, живо вскочил на грудь, обхватил шею ледяными пальцами. Душил, работая плечами. Отпустил одну руку, вытащил из песка кирпич и ударил им несколько раз Варвару по голове, – бил Василий Сучков, покуда кирпич не разломился. Потом слез с Варвары, оглянулся на лицо ее, залитое кровью, и пошел вдоль воды» [8]).

На образном уровне «кирпич на голову» связан с мотивом неприятной неожиданности, и в этом качестве выражение используется как устойчивое. См., например, в русском переводе написанного в 1925 году романа Клода Фаррера «Маленькая женщина с большим характером»:

– Пусть будет так, – покорно соглашалась Мими, которая рассуждала обо всем этом, занимаясь своей прической. – Но если они воображают, что все идет у меня как по маслу, и что мне никогда не сваливаются кирпичи на голову, ах, боже мой, как они ошибаются! [9, с. 17].

В этом значении формулу «мне свалится на голову кирпич» использует и Берлиоз.

– Ну да, неизвестно, – послышался все тот же дрянной голос из кабинета, – подумаешь бином Ньютона! Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате» [1, с. 625].

«Кирпич на голову» становится своего рода осовремененным вариантом фразеологизма «обухом по голове», хотя включает при этом и дополнительные возможные коннотации, связанные с неопределенностью воздействующего. Лучше всего для обозначения такого происшествия подходит английское «accident». Именно это позволяет связать с падением кирпича на голову проблему случайности и предопределенности. Удар обухом по голове носит безусловно сознательный характер, как и удар кирпичом или метание кирпича, а вот падение кирпича – акт бессознательный, и поэтому влекущий за собой вопрос: чем обусловлено падение? Вариативность (случайность / предопределенность) может быть связана с рукотворностью и кирпичей, и крыш, с которых они имеют обыкновение падать. Непосредственного вмешательства высшей силы, обрушивающей на голову провинившегося камень с небес, небесный огонь или что-либо подобное, здесь нет. Кроме того, кирпичная кладка может рассматриваться как воплощение созданного человеком порядка, а падение кирпича – как нарушение этого установленного и закрепленного порядка. Закономерно или случайно нарушение порядка – вопрос, остающийся открытым, и от решения его зависит интерпретация мотива в тексте. Если с нарушением порядка и, соответственно, с падением кирпича связывается мотив вины, то даже в тех ситуациях, когда известно, кто конкретно роняет кирпич, все равно остается возможность соотнести падение не с виной роняющего, а с провинностью пораженного кирпичом. Отсутствие устойчивой связи со случайностью или предопределенностью оставляет возможность для движения. И ответ Воланда превращает фразеологизм в мотив, переносит акцент на закрепленный в литературе философский подтекст или на иронический подтекст, связанный с возможной философской интерпретацией.

Как метафора «кирпич на голову» используется у Достоевского – с падением его соотносятся действия героев. Правда, слова Раскольникова из первой (краткой) редакции «Преступления и наказания» в окончательный текст романа не вошли. В черновом автографе отрывка главы II второй части вписано: «Ведь я знал, что я кирпич, который упал на голову этой старухи» [10, с. 121]. В черновом автографе варианта отрывка главы II второй части: «Я – кирпич, который упал старухе на голову; я – леса, которые над ней обвалились» [10, с. 128].

А вот в «Идиоте» мотив падающего кирпича Достоевский использовал в сцене появления из здания Павловского вокзала «толпы, человек, по крайней мере, в десять», среди которых Настасья Филипповна: «Между нашими загородными собраниями, конечно, есть и отличающиеся необыкновенною чинностью и имеющие особенно хорошую репутацию; но самый осторожный человек не может всякую минуту защититься от кирпича, падающего с соседнего дома. Этот кирпич готовился теперь упасть и на чинную публику, собравшуюся у музыки» [11, с. 288].

Интересно, что соответствующая часть романа была опубликована в журнале «Русский Вестник» в августе 1868 года [12, с. 577], а в ноябре 1868 года в «Отечественных Записках» публикуется очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Несколько слов о нашем *savoir vivre* и о мерах к постепенному распространению его». Щедрин, словно вступая в диалог с Достоевским, пишет о кирпичах на голову в связи со злонамеренным нарушением установленного порядка [13, с. 175–188].

Падающие внезапно на голову других людей кирпичи являются, по Щедрину, своего рода неотъемлемой частью современного *savoir vivre* и соответственно одним из «Признаков времени» – так назывался журнальный цикл и затем соответствующий сборник, где очерк был помещен под названием «Наш *savoir vivre*». Щедрин использует сравнение с кирпичами, чтобы показать беспомощность и толпы, и людей умных и проницательных при столкновении с *savoir vivre* в условиях утвердившегося в результате переворота 2 декабря 1851 года «полного

свободомыслия» («<...> Возьми, например, хоть то: выдумали теперь какой-то *savoir vivre*, а разбери ты его как следует, этот ихний *savoir vivre*, – ан выйдет то же мошенничество!» Эти слова принадлежат не мне, а бабушке Прасковье Павловне, которая во всем околотке известна своею мудростью и откровенностью» [13, с. 175]). Щедрин пишет:

Никто не станет отрицать, что Кавеньяк, Шангарнье, Шаррас, Тьер, Виктор Гюго и множество других жертв декабрьского переворота – люди умные и довольно проницательные. Многие утверждают, что они в этом отношении стоят даже выше, нежели какие-нибудь Морни, Сент-Арно и Мопя и другие герои того же закала, которые неведомо откуда взялись и расцвели в ночь с 1 на 2 декабря (в Тьере и Шангарнье нельзя даже отвергать и замечательного *savoir vivre*). И вот, однако ж, эти внезапные выходцы неизвестности, эти простые люди, не знакомые ни с миром, ни с его ухищрениями, вдруг, в течение каких-нибудь нескольких часов, становятся выше, опычнее и дальновиднее тех, которые в продолжение многих и многих лет уловляли вселенную! Надо же, чтоб была какая-нибудь причина, объясняющая столь загадочное явление. По моему мнению, такое извращение естественного порядка в деле уловления произошло единственно оттого, что ни Тьер, ни Шангарнье, ни Кавеньяк не умели возвыситься до того свободомыслия, до которого разом возвысились простые рыбаки, никогда не стеснявшиеся никакими соображениями. Кажется, что может быть легче, как войти целой ордой в дом к спящему человеку и пришить его, а кто же, кроме совершенно свободномыслящего человека, решится на такой подвиг? Что может быть проще насилия, пошлее коварства, нахальнее необузданности, и между тем кто, кроме субъекта, вполне освободившегося от всяких нравственных обязательств, охотно согласится на такие поступки, которые повлекут за собой для него название человека коварного, нахального и необузданного? Все подобного рода действия не требуют ни ума, ни особенных способностей; единственное условие, которому они подчиняются, – это условие внезапности. Сюрпризы, изготовляемые при помощи *savoir vivre*, тем именно и благонадежны, что к ним нельзя приготовиться и что, следовательно, ни ум, ни проницательность, ни таланты – ничто не может устоять против них, ничто не может их отразить. Это своего рода кирпичи, внезапно сваливающиеся с крыши и сразу убивающие человека, – что против них поделаешь? [14, с. 110–111].

В ряду других аксиом, с открытием которых возникли «обширные перспективы», после того как они были выведены за рамки «той специальности, в которой они первоначально замыкались», и перенесены «во все возможные жизненные сферы, какие доступны нашему пониманию», есть и напрямую связанная с мотивом «кирпича на голову»: «По временам ушибайте, но делайте вид, что это произошло невзначай». Здесь он связывается с обманом, с объяснением сознательно-го удара кирпичом якобы случайностью:

...мы видим в них не только идеал практической мудрости, но и единственное условие каких бы то ни было успехов. Мы обманываем, обманываем, обманываем...

С одной стороны – *savoir vivre*, с другой – толпа, до которой имеет дело этот самый *savoir vivre*. Как ни прост сей последний, как ни ограниченны его цели, все-таки он знает, чего хочет, и, следовательно, обладает известной дозой решимости. Он тогда только и выходит, когда уже заранее определит и свои собственные позиции, и точку, в которую предстоит ему целиться. Совсем другой вид представляет толпа; как ни предполагайте ее проницательную, она уже по тому одному не в силах ничего предпринять, что не знает, откуда и какого рода камень будет в нее брошен. Она может выделять из себя великих и гениальных людей, она может совершать чудеса самопожертвования и доблести, но против неожиданностей и расставляемых ловушек ничего сделать не в состоянии [14, с. 111–112].

Фактически Щедрин также утверждает, что «кирпич ни с того ни с сего <...> на голову не свалится», но он не склонен объяснять падение кирпича вмешательством высших сил. За каждым падающим кирпичом стоит конкретный человек, обрушивающий или метающий кирпич, хотя он и стремится снять с себя ответственность. Падение кирпича на голову является неожиданностью лишь для тех, кому на голову он падает, но не является неожиданностью и случайностью (accident) в целом: с точки зрения развития действия это сознательный, продуманный и просчитанный акт, предполагающий кидателя или метателя.

Полностью исключает фактор «неожиданности» Щедрин в первой главе цикла «Господа Молчалины», напечатанной в «Отечественных Записках» в 1874 году под названием «Экскурсии в область умеренности и аккуратности». В «Господах Молчалиных» кирпичи никак не связаны с крышей, а Молчалин является одновременно и тем, кто приготавливает кирпичи для метания, и тем, на кого они сыплются градом. В очерке происходит разоблачение «тайны между ним и небом», так что высшие силы из процесса исключаются, а швыряющие кирпичи высшие инстанции, «субъекты», как оказывается, являются объектами «приручения» Молчалиных и действуют под их неусыпным контролем:

Молчалин обязывается устроить так, чтоб все кирпичи, швыряемые «субъектом», обрушивались лично на нем, не задевая никого из прохожих, так как в противном случае может произойти смертоубийство, которое строго воспрещается законом. Малейшая в этом случае оплошность приводит к уголовщине, которая, в свою очередь, влечет за собою не только гибель нужного Молчалину субъекта, но и гибель самого Молчалина, в качестве придаточного к нему лица. Понятное дело, что последний должен все способности своего ума направить к тому, чтоб изобрести такую комбинацию, которая, с одной стороны, обеспечивала бы свободу швыряния, а с другой – не попустила бы ему, Молчалину, погибнуть напрасной смертью. И вот он думает, соображает и наконец додумывается. Вы видите в некотором роде чудо: кирпичи сыплются на Молчалина градом, а он все-таки остается неуязвим. Каким образом он проделывает этот изумительный *tour de force* – это тайна между ним и небом; но позволяю себе догадываться, что дело не обходится здесь без некоторой с его стороны стратагемы.

По-видимому, вся штука в том, что камни и кирпичи, которыми «субъект» имеет обыкновение швыряться, приготавливаются не другим кем-нибудь, а все тем же Молчалиным. Он должен не только принять удар, но и все приготовить, что требуется для его выполнения.

– Я, братец, может быть, искалечить тебя захочу, – говорит ему «субъект», – так ты уж распорядись, приготовь!

Можно ли удивляться, что Молчалин воспользуется этим, чтоб устроить для себя некоторые льготы и облегчения, что он, например, сделает кирпичи по возможности легковесные, а относительно прочего вооружится броней, известной в просторечии под названием «брань на ворота не виснет»? [15, с. 22–23].

Та же схема с «метателями» возникает в XX веке, к примеру, в «Кирпичной песенке» Н. Я. Агнивцева, вошедшей в его сборник «От пудры до грузовика: Стихи 1916–1926 гг.». Здесь тоже присутствует вполне определенный кирпичеметатель и наличествует обобщение. Кирпичи в головы «господ из города в перчаточках» метают представители простого народа. Кирпич используется в роли «оружия пролетариата», если вспомнить название знаменитой скульптуры «Булжжик – оружие пролетариата», созданной И. Д. Шадром годом позже выхода сборника Агнивцева и представленной в 1927 году на выставке «10 лет Октябрьской революции». Падение кирпичей на головы угнетателей, впрочем, вполне укладывается в парадигму случайности / предопределенности как проявление исторической закономерности в марксистском ее понимании:

Но вот: сердит стал с виду
Простой народ! И, глядь:
Обидчикам – обиды
Вдруг стал припоминать!

Озлившись, в день осенний
Взъерошились штыки,
И на дворцы с гуденьем
Пошли грузовики!

И в головы обидчиков
Летали, как могли:
– Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои! [16].

Как «случай» рассматривается падение кирпича на голову в пользовавшейся большой популярностью в России пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом» (1879) [17]. Необходимо, правда, отметить, что в получившем наиболее широкое распространение переводе А. и П. Ганзен использовано не слово «кирпич», а слово «черепица»:

Х е л ь м е р. Нора! (*Подходит и шуточно берет ее за ушко.*) Опять наше легкомыслие тут как тут. Ты представь себе, сегодня я займу тысячу крон, ты потратишь их на праздниках, а накануне Нового года мне свалится на голову черепица с крыши – и готово.

Н о р а (*закрывая ему рот рукой*). Фу! Не говори таких гадких вещей.

Х е л ь м е р. Нет, ты представь себе подобный случай, – что тогда?

Н о р а. Если бы уж случился такой ужас, то для меня было бы все равно – есть у меня долги или нет [18, с. 376].

В то же время в немецком переводе здесь стоит слово *Ziegelstein* – кирпич: «Gesetzt den Fall, ich borgte mir heute tausend Kronen, und Du brächtest sie in der Weihnachtswoche durch, und am Sylvesterabend fiele mir ein Ziegelstein auf den Kopf, und ich läge da».

Та же конструкция «*Ziegelstein auf den Kopf*» – и именно в связи с постановкой проблемы случайности и закономерности – используется затем у А. Шницлера: «Und wenn dir ein Ziegelstein auf den Kopf fällt, bist du ganz sicher, dass es nicht doch deine Schuld war?» («А если тебе на голову упадет кирпич, будешь ли ты совершенно уверен в том, что это не твоя вина?») [19, S. 29–30]. Шницлер, как мы видим, готов переложить ответственность за падение кирпича на жертву этого падения, но не настаивает на этом.

Пространное рассуждение на тему падающего на голову кирпича есть у Льва Шестова в книге 1898 года «Шекспир и его критик Брандес» [20]. Однако интерпретация Шестова принципиально отличается от той, что преимущественно встречается в художественной литературе. У Шестова мы изначально имеем дело с «кирпичом, сорвавшимся вследствие дождя», т. е. само по себе падение кирпича получает объяснение и рассматривается как научная закономерность, а в разряд случайностей попадает происходящее с человеком:

И точно, чем более прочно устанавливается закон причинности для мира внешнего, тем больше отдается во власть случая внутренний мир человека. Более того, можно прямо сказать: все, что во внешнем мире представляется как связь причины и следствия, связь, самостоятельно, независимо существующая – все это для роста, развития, для судьбы человека является случаем. Поясим примером. Кирпич сорвался с домового карниза, падает на землю – и уродует человека. Что может быть

с научной точки зрения закономернее падения кирпича? Хотя мы точно и не знаем причины его падения – но мы так уверены в том, что причина была, как будто бы знали все, что произошло. Вероятно, от действия воды цемент ослабел, а затем от дуновения ветра слабо державшийся кирпич оторвался и полетел на землю. Может быть, ни вода, ни ветер не были причиной – но была такая же причина, как ветер и вода – мы в этом так прочно уверены, как только может быть уверен человек. Несомненно, падение кирпича лишь доказывает гармоничность явлений природы, торжествующий во всей вселенной закономерный порядок. Но, падая, кирпич изуродовал человека. И тут еще можно, если угодно, проследить некоторое время закономерность. Камень повредил череп, вышиб глаз, выбил несколько зубов, раздробил руку – все это по тем же неизменным законам природы. Но при этом получается еще нечто: человек изуродован. Т. е. молодое, полное жизни, надежд на будущее, веселое, прекрасное, радостное существо вдруг обращается навсегда в негодного калеку. У него нет глаза, зубов, парализована рука, поврежден мозг. Что все это такое? Почему так произошло, так случилось? Пока камень падал и расшибал по пути и другие камни – все было ясно. Пусть себе падает! Но сказать так: «Камень упал и при этом обстоятельстве уничтожен человек», сказать, что это явление состоит только из одной части, т. е. из столкновения камня с телом человека и что больше в этом явлении нет ничего – значит умышленно закрывать глаза. Ведь наоборот: погиб человек – это сущность, это главное, это требует объяснения, а то, что камень упал – есть добавочное обстоятельство. По объяснению же науки, все, что произошло с человеком – есть лишь прибавка к внешнему явлению, нечто случайное, необъяснимое, не нуждающееся в объяснении. Человек живет или не живет, радуется или страдает, падает или возвышается – все это лишь поверхность, видимость явлений: сущность же их – падение камня. Отсюда общий вывод: жизнь, внутренняя жизнь человека есть, по существу своему, нечто совершенно случайное. И это тем прочнее устанавливается, чем большие завоевания делает наука» [21].

Хотя Шестов и анализирует в дальнейшем художественные произведения, принятая им аналогия противоречит обычному использованию мотива «кирпича на голову» в текстах, где с точки зрения случайности / закономерности рассматривается не результат падения кирпича, а само падение. Нужно отметить, что в литературе часто данный мотив вообще используется как гипотетический, не получая непосредственной сюжетной реализации, либо реализация его сюжетного потенциала связана со схожими по парадигме происшествиями (accident): «Аннушка уже разлила масло» у Булгакова, и т. д.

Философский подтекст, которым наполняется мотив падающего на голову кирпича, приобретает и ироническую окраску. В том же 1898 году, что и книга Шестова, в Санкт-Петербурге выходит девятый том собрания сочинений Марка Твена, издаваемого бр. Пантелеевыми. В этом томе печатается первая часть книги «Простодушные у себя дома и за границею», составленной из сборников очерков Твена. Там, в восьмой главе в «Истории старого барана» Джим Блэн говорит:

Не говорите мне, что так случайно вышло, что его сварили. На свете нет такой штуки, как случайность. Когда мой дядя Лем однажды прислонился к «лесам» (он был, кажется, болен или пьян, или что-то в этом роде), какой-то ирландец с «козой», наполненной кирпичами, упал прямо на него с третьего этажа и переломил старику спину в двух местах. Людская молва говорила, что это случайность. Велика случайность, нечего сказать! Он и не знал, дядя-то мой, чего ради он туда попал, а между тем он туда с доброй целью: для того именно он там и случился, чтобы ирландец не мог бы разбиться насмерть. Никто и ни за что на свете не может заставить меня верить во что-либо другое. И собака дяди Лема была тут же; ну, почему бы этому ирландцу не свалиться на собаку? Да потому, что эта самая собака заметила бы вовремя, что он валится, и отошла бы прочь. Вот почему для этой цели не была намечена собака. Не может же пес быть избран орудием Провидения! Помя-

ните вы мои слова: так уж было предопределено, а случайностей не бывает на свете, право же, ребята! [22, с. 62–63].

Эта восьмая глава представляет собой перевод главы LIII книги М. Твена «Roughing It» («Налегке»), впервые изданной в 1872 году:

When my uncle Lem was leaning up agin a scaffolding once, sick, or drunk, or suthin, an Irishman with a hod full of bricks fell on him out of the third story and broke the old man's back in two places. People said it was an accident. Much accident there was about that. He didn't know what he was there for, but he was there for a good object. If he hadn't been there the Irishman would have been killed. Nobody can ever make me believe anything different from that. Uncle Lem's dog was there. Why didn't the Irishman fall on the dog? Becuz the dog would a seen him a coming and stood from under. That's the reason the dog warn't appinted. A dog can't be depended on to carry out a special providence. Mark my words it was a put-up thing. Accidents don't happen, boys. Uncle Lem's dog – I wish you could a seen that dog. He was a reglar shepherd – or ruther he was part bull and part shepherd – splendid animal; belonged to parson Hagar before Uncle Lem got him. Parson Hagar belonged to the Western Reserve Hagers; prime family; his mother was a Watson; one of his sisters married a Wheeler; they settled in Morgan county, and he got nipped by the machinery in a carpet factory and went through in less than a quarter of a minute; his widder bought the piece of carpet that had his remains wove in, and people come a hundred mile to 'tend the funeral'. There was fourteen yards in the piece [23, p. 388–389].

Рассуждение М. Твена носит явно пародийный характер, если иметь в виду его религиозные взгляды. С большой долей вероятности можно утверждать, что этот фрагмент был знаком А. Т. Аверченко, у которого мотив «кирпича на голову» встречается неоднократно и произведения которого, в свою очередь, хорошо знал Булгаков. Аверченко высоко ценил творчество Твена. Сразу после смерти американского писателя «Сатирикон» Аверченко сообщил, что «весь культурный мир постигло тяжкое, искреннее горе» и поместил фотографию Твена, хотя этот номер – за 18 апреля 1910 года (по старому стилю) – был праздничным, Пасхальным [24]. В следующем номере памяти Твена была посвящена вторая полоса [25], а еще спустя две недели журнал сообщил, что редакция приступает к изданию Полного собрания сочинений Марка Твена: «Настоящее издание является первым в ряду других изданий – произведений популярных юмористов, – предложенных к выпуску редакцией «Сатирикона», что, по мысли издателя, должно в конце концов составить оригинальную и исчерпывающую все достойное внимание «Веселую библиотеку “Сатирикона”» [26]. В первом томе этого собрания сочинений вслед за открывавшей его биографической статьей «Жизнь Марка Твена» был помещен очерк Аверченко «Певец здравого смысла (несколько слов о Марке Твене)» [27], прежде печатавшийся в журнале «Солнце России». Аверченко отмечал у Твена «соединение простого здравого смысла с веселым характером, наблюдательностью и любовью к жизни» [28].

Используя на рубеже 1910-х годов мотив «кирпича на голову», Аверченко проходит примерно тот же путь, что был очерчен в статье выше: от просто удара кирпичом по голове до рассуждения о безусловной закономерности падения кирпича на голову.

Удар кирпичом по голове находится в центре сюжета рассказа Аверченко «Люди четырех измерений», опубликованного в «Сатириконе» 20 сентября 1908 года (№ 24) [29]. Произведение построено по принципу рассказа в рассказе, причем одна и та же ситуация описывается с точки зрения трех ее участников и газетного репортера. Участники по очереди излагают события повествователю, а затем он читает старый номер местной газеты.

Удар кирпичом наносится в парке, где сидевший на скамейке молодой человек встает навстречу проходящей семейной паре, трогает мужа за рукав, просит закурить и в ответ моментально получает поднятым с земли куском кирпича по голове.

Жена убеждена, что муж приревновал ее к молодому человеку, который был настолько потрясен ее красотой («На мне тогда была большая черная шляпа, которая мне так к лицу, и от ходьбы я очень раздумялась»), что решил немедленно завязать знакомство, не обращая внимания на мужа.

Муж уверен, что ударил по голове грабителя:

Хорошо, что мне под руку кирпич подвернулся. А то, – подумайте, – у меня было тысячи полторы денег при себе, на жене бриллиантовые серьги...

Я отшатнулся от него.

– Но... причем здесь серьги?

– Ведь он их с мясом мог. Сквер пустой и глушь отчаянная.

– Вы думаете, что это грабитель?

– Нет, атташе французского посольства! Ха-ха! Подходит в глухом месте человек, просит закурить и хватает за руку – ясно, кажется [29].

Сам пострадавший, провалявшийся три недели в больнице «между жизнью и смертью», считает, что получил по голове от сбежавшего из больницы умалишенного:

Это самый нелепый случай моей жизни... Сажу я как-то теплым, тихим вечером в сквере. Лень, истома. Хочу закурить папиросу, – черт возьми! Нет спичек... Ну, думаю, будет проходить добрая душа, – попрошу. Как раз минут через десять проходит господин с дамой. Ее я не рассмотрел: – рожка, кажется. Но он курил. Подхожу, трогаю его самым вежливым образом за рукав: «Позвольте закурить». И – что же вы думаете! Этот бесноватый наклоняется к земле, поднимает что-то – и я, с разбитой головой, без памяти, лечу на землю. Подумать только, что эта несчастная беззащитная женщина шла с ним, даже не подозревая, вероятно, что это за птица.

Я посмотрел ему в глаза и строго спросил:

– Вы... действительно думаете, что имели дело с сумасшедшим?

– Я в этом уверен [29].

Ну а автор газетной заметки утверждает, что «неизвестный молодой человек <...>, будучи в сильном опьянении, упал на дорожке сквера так неудачно, что разбил себе о лежащий неподалеку кирпич голову» [29].

Как мы видим, в описании происшествия пострадавшим писатель использует слово «случай». Характеристика жизни как некоего хаотического движения, лишённого закономерности и подчиненного лишь воле случая, звучит и в заключительных строчках, содержащих вывод повествователя:

Я сейчас стою на соборной колокольне, смотрю на движущиеся по улице кучки серых людей, напоминающих муравьев, которые сходятся, расходятся, сталкиваются и опять без всякой цели и плана расплзаются во все стороны...

И смеюсь, смеюсь... [29].

С другой стороны, в финале рассказа появляется и косвенная связь с высшей силой: взгляд на «серых людей» с соборной колокольни выходит за рамки поиска чисто пространственной высшей точки – эту связь колокольни с кирпичом мы еще встретим у Аверченко.

Напрямую с высшей силой падающий на голову кирпич связывается в театральном фельетоне, опубликованном в № 33 журнала «Сатирикон» в августе 1909 года за подписью «Ave». Кирпич здесь выступает в роли кары Господней, обрушивающейся на бесталанного автора. Рассказывая о постановке в Новом летнем театре оперетты в 3-х действиях «Мальчик или девочка» (русский текст И. Л. Норина, муз. В. Гронштетена), Аверченко пишет: «Я уверен, что Господь уже покарал одного из них каким-нибудь кирпичом, свалившимся несчастному бесталанному виновнику этого удивительного произведения на разгоряченную славою голову» [30].

Отметим попутно, что падающий на голову кирпич связан с комическим и с темой театра и в рассказе В. М. Дорошевича «Двадцатый век»:

– Вами я решительно недоволен. Вы разбираете игру в то время, как надо разбирать сложение артисток. Вот что интересует публику! Можете выразить несколько предположений относительно темперамента каждой. А про Русский театр напишите, что там кирпичи с потолка падают. Они смеют печатать афиши в типографии наших конкурентов [31, с. 42].

Этот рассказ вошел в шестой том («Юмористические рассказы») собрания сочинений В. М. Дорошевича, изданный в Москве товариществом И. Д. Сытина в 1907 году [32].

19 сентября 1909 года в «Сатириконе» печатается рассказ Аверченко «Приключение номера 24345» [33]. В этом рассказе мотив падающего на голову кирпича в самом начале связывается с темой судьбы:

Видел кто-либо лицо Судьбы?

Она все время вертится, суетится около нас; забежит вперед, отстанет и некоторое время держится позади; взвьется кверху и, сдернувши с карниза строящегося дома кирпич, укажет ему линию полета, кончающуюся внизу вашим, плохо защищенным шляпой, теменем [33].

Формула здесь использована только во вступлении рассказчика: в сюжете судьба причудливым образом сталкивает несколько раз мирового судью Колесникову и скромного легкового извозчика № 24345, заставляя первого поехать именно на номере 24345, потерять при этом бумажник да еще и поговорить с любовницей о бургундском, а второго найти бумажник и на полученное затем от судьи вознаграждение заказать в трактире в добавление к привычным водке и пиву бутылку загадочного бургундского.

Отметим, что Аверченко, используя данный мотив в связи с идеей предопределения, в классификации вмешивающихся в жизнь человека высших сил идет вслед за схемой, использованной М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «Смерть Поэта» («судьбы свершился приговор», «заброшен к нам по воле рока», «но есть и Божий суд»). Господь выступает в роли силы, условно говоря, положительной, несущей благо и карающей провинившихся, рок – силы отрицательной, разрушительной, а судьба – нейтральной, просто неожиданно вмешивающейся в жизнь человека. И упавший на голову кирпич стоит лишь первым номером в ряду ее возможных проделок:

Сейчас же она, не обращая больше на вас внимания, привяжется к другому прохожему, остановит его у окна модного магазина, высуня язык, помчится дальше и, найдя поблизости красивую дамочку, обязательно притащит ее к тому же самому окну... И прохожий посмотрит на дамочку и пойдет за ней, а суетливая, бестолковая Судьба ковыляет за ними, пока прохожий не разговорится с дамочкой и не пригласит

сит ее поужинать с ним в каком-либо укромном ресторане... Здесь Судьба на минуту бросает парочку и мчится, как вихрь, за женой вышеуказанного прохожего, чтобы напомнить ей, что она должна что-то сделать у портнихи, помещающейся в том самом переулке, куда выходит подъезд в кабинеты ресторана.

И, конечно, жена застаёт мужа с незнакомой дамой, и разражается скандал у подъезда, а Судьба уже забыла о проведенной ею комбинации и мчится дальше, толкнув мимоходом мальчишку под автомобиль и увязавшись за богатым стариком, которому она распахивает полы пальто, продувает холодным, смертоносным ветром и через неделю валит его в черную яму, устроив племяннику старика, беззаботному лодырю и лежебоку неожиданное, полумиллионное состояние.

Для чего нужно ей все это? [33].

27 марта 1910 года в «Сатириконе» печатается рассказ Аверченко «Животное», в котором в роли бросающего на голову кирпич выступает «любой дом». Это утверждает в диалоге со своим другом, студентом Ушкуйниковым, повествователь:

– Ты можешь ударом кулака раздробить мне голову, но ведь эту же операцию может произвести и любой дом, который уронит с карниза мне на голову кирпич. Какая же между вами тогда разница?

– Между мной и домом? – спросил притихший студент.

– Да-с. Между тобой и домом. Теперь уже пора бросить это!.. Раньше, конечно, когда любовь женщины добывали дубиной, и пищу добывали дубиной, и честь свою защищали дубиной – тогда физическая сила была хороша... А теперь, когда мы идем по гладкому тротуару, мимо целой тучи городских, навстречу вежливо извиняющимся при невольном толчке прохожим, – кому и на что нужны твои рекорды, бицепсы и твое примитивное «да брось...» [34].

Рассуждения повествователя воспринимаются как «философия», во всяком случае именно так их иронически характеризует Ушкуйников:

– Поехала! – засмеялся Ушкуйников. – Это уже, брат, философская отвлеченность. Шопенгауэр!;

– Да брось, – сказал Ушкуйников. – Философия. Гегель;

– Эммануил Кант, – прошептал Ушкуйников;

Он улыбнулся, погрозил мне пальцем, сказал: – Барух Спиноза! [34].

И вся эта «философия» (о кирпиче, кстати, позже вспоминает и М. А. Алданов в книге «Ульмская ночь (Философия случая)»), все отвлеченные рассуждения рассыпаются в прах при столкновении с жизнью, когда к повествователю в ресторане начинает приставать подвыпивший плотный господин. Оказывается, что Ушкуйников с помощью своей физической силы способен произвести операцию, недоступную «любому дому», – прийти на помощь другу и при этом не нанести никаких увечий пьяному, который в его представлении «веселый, все-таки, дядя» [34].

Менее чем через месяц, 18 апреля 1910 года падающие на голову кирпичи упоминаются в опубликованном в «Сатириконе» рассказе «Чудеса» [35]. В нем нет «философского» осмысления этого мотива, а есть конкретные метатели – повествователь и сопровождающий его извозчик. Тем не менее следует обратить внимание на то, что связь с высшими силами не исключается здесь полностью. Во-первых, кирпичи на головы «врагам» герои бросают с колокольни, а во-вторых, впервые рассказ был опубликован в тематическом, Пасхальном номере «Са-

тирикона» (№ 16), а значит, контекст номера и контекст происшествия побуждали соотносить происходящее с присутствием высшей силы:

Мы залегли на колокольне.

Я отламывал кирпичи, на случай защиты от неожиданного нападения, а мой верный извозчик схватился за язык большого колокола и, раскачав его, зазвонил тревожно и громко.

– Надо бы так устроить, – посоветовал я, – чтобы наши друзья услышали эти призывные звуки, а враги не догадались, где мы.

Извозчик обещал приложить к этому все усилия и зазвонил еще громче. Я выглянул в амбразуру окна.

– Идут! Борись, брат! Мужайся.

Мы поцеловались, схватили кирпичи и осыпали ими черную толпу врагов, глухо шумевшую внизу.

– Сдавайтесь! – крикнули они.

– Ни за что! – отвечал я, высовываясь. – Лучше смерть, чем позор.

Извозчик прищурился и бросил в них кирпичом; потом сел под колокол и сразу, как мертвый, уснул.

– Борись, Петя, – посоветовал я, прилег у окна и положил голову на какую-то скамеечку.

Что было дальше – не помню [35].

13 (26) июня 1910 года в газете «Одесские Новости» печатается рассказ Аверченко «Черные дни» [36]. Здесь падающие кирпичи встраиваются в ряд других неприятных происшествий или несчастных случаев (accidents):

Я с самого раннего детства слышал эту фразу:

– Надо откладывать на черный день! <...>

Один знакомый спросил меня:

– Сколько вы зарабатываете? Я сказал.

– Ого! Много откладываете на черный день?

– Да ничего не откладываю.

– Это безрассудно! – сказал строго знакомый – Сейчас вы молоды, здоровы, сильны и, работая много, зарабатываете еще больше. Но вдруг вы заболите? Вдруг потеряете трудоспособность? Да что там болезнь?.. В один прекрасный день вы попадете под автомобиль, калечитесь и – что с вами будет?

Я опечалился... Призадумавшись, тихо отвечал:

– Я... буду стараться... ходить по тротуарам.

– Да я насчет автомобиля к примеру сказал. А на тротуаре вам на голову сверху свалится кирпич и пробьет череп, как спелый орех.

Сердце мое похолодело... Положение было отчаянное, безвыходное: на мостовой меня подстерегали страшные, бешеные автомобили, а на тротуарах кирпичи валялись именно с таким расчётом, чтобы изувечить мою бедную, никому не делавшую вреда, голову» [36].

И. З. Белобровцева и С. К. Кульюс в связи с использованием мотива «кирпича на голову» в романе «Мастер и Маргарита» указывают на статью А. Блока «О современном состоянии русского символизма (по поводу доклада В. И. Иванова)» [4, с. 176]. Блок пишет: «Впиваясь взором в высоту, найдем ли мы в этом пустом небе след некогда померкшего золота? Или нам суждена та гибель, о которой иногда со страхом мечтали художники? Это – гибель от “играющего случая”: кажется, пройдены все пути и замолены все грехи, когда в неожиданный час, в глухом переулке, с неизвестного дома срывается прямо на голову тяжелый кирпич» [37, с. 30].

Обратим внимание на то, что о «гибели от играющего случая» в связи с падающим на голову кирпичом А. Блок рассуждает в то же время, когда наблюдается такая концентрация падающих на голову кирпичей в произведениях Аверченко: статья была опубликована в восьмом номере журнала «Аполлон» (май-июнь) за 1910 год, а доклад, на основе которого она писалась, прозвучал в Обществе ревнителей художественного слова доклада 8 апреля 1910 года.

Нужно подчеркнуть, что Блок не обходил вниманием журналы Аверченко: в 1908 году он публиковался в «Сатириконе», а в 1918 году писал Ю. П. Анненкову о «неприятном налете “сатириконства”», а «Аполлон» находился в сфере пристального внимания сатириконцев. И речь идет не об «улюлюканье литературной улицы», по разряду которого в связи с рассказом «Аполлон» определил А. Т. Аверченко Р. Д. Тименчик в статье «Устрицы Ахматовой и Анненского»: «Одним из ее представителей стал Аркадий Аверченко, чей издевательский разбор статьи “О современном лиризме” был вынесен на широкую российскую публику вскоре после смерти поэта в аверченковской книжке “Веселые устрицы”» [38, с. 54].

Рассказ Аверченко «Аполлон», о котором идет речь, был впервые опубликован в газете «Одесские Новости» 26 ноября (9 декабря) 1909 года [39], т. е. еще до смерти Анненского, а полемика с «Аполлоном» носила дружеский, если так можно выразиться, характер. Фактически «Аполлон» и «Сатирикон» выступали со схожих позиций: это проявилось даже в явной перекличке названий журналов (см.: [40, с. 11]). Многие из сотрудников «Аполлона» печатались в «Сатириконе» (Кондратьев, Потемкин, Кузмин, Манделштам, Гумилев и др.), а в числе рекламных материалов, помещенных в первом номере «Аполлона», было и подписное объявление «Сатирикона», занимавшее целую полосу. В то же время Аверченко явно не разделял прозвучавшего, к примеру, в статье Александра Бенуа в первом номере призыва «перерасти иронию»: «должно быть больше “веры, простоты и упования”» (Аполлон. 1909. № 1. Октябрь. С. 8). Возможно, именно в ответ на это призыв в рассказе Аверченко «Аполлон» и создается иронический образ простака, внявшего звучащим в журнале призывам и попытавшегося сразу воплотить их в жизнь. Редакция «Аполлона» также отделяла Аверченко от «литературной улицы», свидетельством чего является отклик на издание сборника «Веселые устрицы» на страницах «Аполлона». М. Кузмин в «Заметках о русской беллетристике» именовал Аверченко «даровитым автором» и выражал надежду, что «однажды попытавшись сосредоточить и тщательно процедить свое дарование, г. Аверченко сможет дать нам вполне серьезные (не по тону, ради Бога, не по тону!) и не совсем слыханные в России произведения» (Аполлон. 1910. Сентябрь. № 10. С. 27) (см.: [41, с. 383]).

Регулярно используя мотив «кирпича на голову» в рассказах и фельетонах 1908–1910 годов в сборниках, Аверченко затем аккуратно распределяет их по разным книгам, что показывает значимость мотива, его фиксацию автором. Рассказ «Люди четырех измерений» был включен в сборник «Юмористические рассказы» [42, с. 47–51], переиздававшийся затем в качестве третьей книги «Рассказов (юмористических)», опубликованных «Шиповником» [43, с. 50–54]. Рассказ «Приключение номера 24345» вошел в первую книгу «Рассказов (юмористических)», изданных «Шиповником» в 1910 году [44, с. 66–73], рассказ «Животное» – в сборник 1912 г. ода «Круги по воде: Рассказы» [45, с. 176–183], а рассказ «Чудеса» – во вторую книгу «Рассказов (юмористических)», известную также как «Зайчики на стене» [46, с. 149–158]. И, наконец, рассказ «Черные дни» был включен автором в один из первых выпусков «Дешевой юмористической библиотеки “Сатирикона”» [47, с. 51–64].

К мотиву «кирпича на голову» Аверченко обращается не только в прозе, но и в драматургии. В 1912 году выходит сборник пьес Аверченко «Миниатюры и монологи для сцены» – второй том «Театральной библиотеки “Сатирикона”» [48]. Среди включенных в книгу произведений есть и миниатюра «Власть Рока», шедшая, в частности, на сцене Литейного театра в Санкт-Петербурге. Начинается пьеса прологом, в котором на сцену выходит Рок во фраке и цилиндре. И в самом начале своего монолога Рок объясняет зрителям, что падающий на голову кирпич – это он, Рок, «загримированный кирпичом»:

Я – Рок. Вы, вероятно, будете немного удивлены тем, что я появляюсь перед вами в таком необычном для Рока виде – во фраке, с цилиндром на голове и в перчатках... Я, собственно говоря, не понимаю вашего удивления. Вы, кажется, должны бы были понять, что я могу являться во всех видах, формах и положениях. Сегодня, например, одному из вас падает на улице на голову кирпич с карниза недостроенного дома... Это падаю я, Рок, загримированный кирпичом. Завтра на вас налетит лошадь, под копытами которой вы найдете преждевременную, а иногда и запоздалую смерть. Это все-таки будет не лошадь, а я, Рок, загримированный лошадью.

Вот почему я и прошу вас не придавать значения моей форме и внешности [49, с. 117].

В этом небольшом фрагменте можно найти и отзвуки рассуждений Джима Блэна у Марка Твена, и увидеть прообраз булгаковских героев – Рокка из «Роковых яиц» и Воланда, утверждающего, что «кирпич ни с того ни с сего <...> никому и никогда на голову не свалится». Можно увидеть здесь и переключку с «Двенадцатью стульями» И. Ильфа и Е. Петрова, хотя столкновение с лошадью отчетливее связано с другим произведением Аверченко – началом повести «Подходцев и двое других», – но мотив «попал под лошадь», как и его модернизированные варианты «попал под автомобиль» и «попал под трамвай», – это уже тема другой статьи.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. Л.: Худож. лит., 1978. 816 с.
2. Николаев Д. Д. Воланд против Хулио Хуренито // Вестн. МГУ. Сер. «Филология». 2006. № 5. С. 81–89.
3. Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: Monsieur Дэле, Алексея Тишина, Карла Шмидта, Эрколе Бамбучи, Мистера Куля, Ильи Эренбурга и негра Айши, в дни мира, войны и революции, в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения Учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, об иудейском племени, о конструкции и о многом ином. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 276 с.
4. Белобровцева И., Кульос С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: Книжный клуб «36,6», 2007. 496 с.
5. Петровский М. С. Мастер и Город: киевские контексты Михаила Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. 464 с.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. Т. 2: Сцены и комедии 1843–1852. 704 с.
7. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. 560 с.

8. Толстой А. Н. Василий Сучков (Картинки нравов Петербургской стороны) // Новый мир. 1927. № 1. Январь.
9. Фаррер К. Маленькая женщина с большим характером (Une jeune fille voyagea...): Роман / Пер. Г. Павлова. [М.]: Пучина, 1926. 208 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произведения. Т. 7. Преступление и наказание. Рукописные редакции. Л.: Наука, 1973. 416 с.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произведения. Л.: Наука, 1973. Т. 8: Идиот. 312 с.
12. Достоевский Ф. М. Идиот. Часть третья. Главы I–III // Русский Вестник. 1868. Август. Т. 76. С. 550–596.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Признаки времени. Периодические заметки. II. Несколько слов о нашем savoir vivre и о мерах к постепенному распространению его // Отечественные Записки. 1868. № 11. Отд. II. С. 175–188.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 7. 695 с.
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. 752 с.
16. Агнивцев Н. Я. «От пудры до грузовика»: Стихи 1916–1926 гг. М.; Л.: Издание автора, [1926]. 108 с.
17. Ибсен Г. Кукольный дом. (Нора): Драма в 3 д. / Пер. с дат. А. и П. Ганзен. М.: С. Скирмунг, 1903. 101 с.
18. Ибсен Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Искусство, 1957. Т. 3: Пьесы 1873–1890. 856 с.
19. Schnitzler A. Aphorismen und Notate: Gedanken über Leben und Kunst. 1985. 209 S.
20. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес. СПб.: Тип. А. М. Менделевича, 1898. 282 с.
21. Шестов Л. Собр. соч. СПб.: Шиповник, [1911]. Т. 6. 286 с. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_shestov.txt
22. Твен М. Собр. соч. / Пер. А. А. Богаевской. Т. 9: Простодушные у себя дома и за границей: В трех частях СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1898.
23. Roughing It by Mark Twain (Samuel L. Clemens). Hartford, Conn.: American Publishers Company, 1872.
24. [Без подписи] Умер Марк Твен // Сатирикон. 1910. № 16. 18 апр. С. 7.
25. [Без подписи] Марк Твен // Сатирикон. 1910. № 17. 24 апр. С. 2.
26. Сатирикон. 1910. № 19. 8 мая. С. 8.
27. Твен М. Собр. соч. СПб.: Изд. М. Г. Корнфельда. 1910. Т. 1. 216 с. (Библиотека «Сатирикона»)
28. Аверченко А. Марк Твен // Солнце России. 1910. № 12. С. 4.
29. Аверченко А. Люди четырех измерений // Сатирикон. 1908. № 24. С. 4–5.
30. Аве [Аверченко А. Т.] Новый летний театр. «Мальчик или девочка». Оперетта в 3 д., русский текст И. Л. Норина, муз. В. Гронштетена // Сатирикон. 1909. № 33. С. 6.
31. Дорошевич В. М. На смех / Сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. Д. Д. Николаева. М.: Лаком, 2001. 384 с.
32. Дорошевич В. М. Собр. соч.: [В 12 т.]. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1907. Т. 6: Юмористические рассказы. 265 с.
33. Аверченко А. Приключение номера 24345 // Сатирикон. 1909. № 38. 19 сент. С. 7–8.
34. Аверченко А. Животное // Сатирикон. 1910. № 13. 27 марта. С. 6–8.
35. Аверченко А. Чудеса // Сатирикон. 1910. № 16. 18 апр. С. 9–12.
36. Аверченко А. Черные дни // Одесские Новости. 1910. № 8139. 13 (26) июня. С. 3.

37. Блок А. А. О современном состоянии русского символизма (по поводу доклада В. И. Иванова) // Аполлон. 1910. № 8. Май-июнь. С. 21–30.
38. Тименчик Р. Д. Устрицы Ахматовой и Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сб. науч. тр. СПб.: АРСИС, 1996. 156 с.
39. Аверченко А. «Аполлон» // Одесские Новости. 1909. № 7976. 26 нояб. (9 дек.). С. 2.
40. Николаев Д. Д. Русский юморист // Аверченко А. Т. Московское гостеприимство: Рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 5–28.
41. Творчество А. Т. Аверченко в отзывах современников / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Д. Д. Николаева // Комическое в русской литературе XX века. М., 2014. С. 368–417.
42. Аверченко А. Юмористические рассказы. СПб.: Тип. журнала «Сатирикон» М. Г. Корнфельда, 1910. 192 с.
43. Аверченко А. Рассказы (юмористические). Книга третья. Второе издание. СПб.: Шиповник, 1911. 199 с.
44. Аверченко Аркадий. Рассказы (юмористические). Книга первая. СПб.: Шиповник, 1910. 206 с.
45. Аверченко А. Круги по воде: Рассказы. СПб.: Издание М. Г. Корнфельда, 1912. 207 с. (Юмористическая библиотека «Сатирикона»)
46. Аверченко А. Рассказы (юмористические). Книга вторая. СПб.: Шиповник, 1910. 202 с.
47. Аверченко А. Смерч [и др. рассказы]. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1911. 64 с. (Дешево-юмористическая библиотека «Сатирикона». Вып. 3).
48. Аверченко А. Миниатюры и монологи для сцены. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1912. (Театральная библиотека «Сатирикона». Т. 2).
49. Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 13 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. С. Никоненко. М. Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. Т. 7: Чертова дюжина. 424 с.

D. D. Nikolaev

Moscow, Russian Federation

**BRICK ON THE HEAD:
FROM THE HISTORY OF THE MOTIVE**

The article is devoted to the motive of the brick on the head in connection with an accident / determinism. The most famous phrase in Russian literature connected with the motive is Woland's: 'No brick <...> will ever fall on anyone's head just out of the blue' (Bulgakov). In article the history of the motive (works of I. S. Turgenev, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, M. Twain, H. Ibsen etc.) is analyzed. It is spoken in detail about this motif in works of A. T. Averchenko, whose works Bulgakov well knew.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, M. Twain, Averchenko, Bulgakov, plot, Russian literature, 'Brick on the head', accident / determinism in literature.

Nikolaev Dmitry D. – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation, ddnikolaev@mail.ru)